

Ленинградские сказки

Юлия Яковлева

Дети ворона

«Самокат»

2016

Яковлева Ю.

Дети ворона / Ю. Яковлева — «Самокат»,
2016 — (Ленинградские сказки)

Детство Шурки и Тани пришлось на эпоху сталинского террора, военные и послевоенные годы. Об этих темных временах в истории нашей страны рассказывает роман-сказка «Дети ворона» – первая из пяти «Ленинградских сказок» Юлии Яковлевой. Почему-то ночью уехал в командировку папа, а через несколько дней бесследно исчезли мама и младший братишка, и Шурка с Таней остались одни. «Ворон унес» – шепчут все вокруг. Но что это за Ворон и кто укажет к нему дорогу? Границу между городом Ворона и обычным городом перейти легче легкого – но только в один конец. Лишь поняв, что Ворон в Ленинграде 1938 года – повсюду, бесстрашный Шурка сумеет восстать против его серого царства.

© Яковлева Ю., 2016

© Самокат, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юлия Яковлева
Ленинградские сказки
Книга первая
Дети ворона
1938 год

Любое использование текста и иллюстраций допускается только с письменного согласия Издательского дома «Самокат».

© Ю. Яковлева, текст, 2016

© ООО «Издательский дом “Самокат”», 2016

Юлия Яковлева много лет работала обозревателем в ведущих российских газетах и журналах, писала для театра, ведет колонку о детской литературе на Colta.ru. В основу «Детей ворона» положена семейная история автора.

*Посвящается моему дедушке – Боре Грачеву и его сестрам –
Кате, Тамаре, Лиде*

Глава 1

Шурка осторожно выровнял пальцем ряд: на рельсе лежали друг за другом гвоздь, медная монетка, гайка, еще гвоздь. Поднял голову.

Валька издалека помахал ему.

В воздухе пахло дымом, углем. Даже сероватые весенние облака, низко висевшие над городом, казалось, вышли из паровозной трубы. Темнели какие-то сараи и будки. Мигали семафоры. Время от времени гудки взрывали воздух, и слышался лязг сцепляемых вагонов. Земля была исчерчена рельсами. Черными промасленными клавишами уходили вдаль шпалы. Медленно катили мимо поезда: замедляли ход, подходя к перрону, или только разгонялись.

Как ни красив был Ленинград, а вокзал, вот эту скрытую от пассажиров его часть, Шурка любил больше всего.

Пути сперва шли плотно: металлическая река. Потом расходились где-то там, дальше, где уже не разглядеть. И потом бежали каждый в свою сторону по огромной советской стране. В Москву, Киев, Сталинград, Молотов, Ташкент, Киров, Владивосток, на Урал, в Сибирь, к горам и морям. Стоя на рельсах, Шурка всякий раз чувствовал их легкое гудение. Как будто рельсы были нервными нитями, и Шурка подошвами чуял, как гудели и жили далекие города.

Вальке, своему лучшему другу, он об этом не рассказывал: засмеет. Валька был человеком практическим. У него было пятеро младших братьев и сестер, вместе с матерью они все жили в тесной комнатке на улице Марата. Думать о глупостях Вальке было некогда.

– Ты чего, уснул? Я машу, кричу. А он ни гу-гу.

Валька подошел. Поставил на рельс ногу в грязном облупленном башмаке, осмотрел Шуркину работу и важно изрек:

– Не пойдет.

Двумя пальцами Валька растащил все вещицы подальше друг от друга.

– А то их в одну лепешку расплющит, – пояснил он.

На соседнюю рельсу Валька пристроил свое: несколько болтиков и гаек, оловянную пульку, гвозди.

Перепрыгивая через рельсы, мальчишки соскочили на насыпь и по чавкающему мартовскому снегу перебежали в кусты. Болтая, стали ждать, когда первый же поезд превратит их металлическое подношение в теплые, удивительно тоненькие бляхи.

– Тссс! – вдруг шепнул Валька.

Время от времени пути обходил сторож в замасленном тулупе и фартуке: ковырнет тут и там железным ломом, дальше пойдет.

Но это оказался не сторож. Милиционер в шинели, а с ним собака. Собака туго натягивала поводок и нервно помахивала пушистым хвостом.

– Овчарка, – сообщил Шурка. – Служебная.

Они глубже задвинулись в кусты, замерли. Шурка смотрел, как его след наполняется серой водой. Кусты были голые и мало что скрывали.

Но то ли собака не ожидала найти тут двух мальчишек, то ли неохота ей было связываться с мелюзгой. Были у нее дела поважнее.

– Интересно, кого ищут?

– Может, карманника с вокзала.

– Кто знает, – веско заметил Валька. – Может, смотрит, нюхает, чтобы диверсант какой-нибудь не устроил крушение поезда.

Оба притихли.

Свистнуло. Клацнуло. Переменился сигнал семафора – с красного на зеленый. В мокроватом воздухе стал нарастать тяжелый грохот поезда.

– Товарный, – оповестил Валька.

Оба предпочли бы пассажирский. Они были легкие, эти веселые поезда с окошками, и после них в бляхе можно было угадать силуэт предмета: гвоздь превращался в грибок, а гайка – в шестиугольник.

Работая локтями и отдуваясь, медленно-медленно прошел мимо темно-зеленый паровоз. Потянулись коричневые, без окон, вагоны с замками на дверях и щелями – видимо, для воздуха.

– Ой! – едва не вскрикнул Шурка. Ему показалось, что в щели глядели глаза. – Видел?

– Чего?

– Смотрят.

– И чего? Коровы, может. Или лошади.

Но голос Вальки звучал неуверенно.

Еще вагон. Еще щели. И глаза.

– Ой! Видел?

– Да прекрати ты. Ну видел, видел.

Обоим стало не по себе. Глаза были человеческие.

Еще вагон. Еще глаза. Вагон. Глаза. Вагон. Глаза. Стуча колесами, паровоз тянул большие деревянные вагоны. Глаза. Глаза. Глаза.

Вдруг из одного вагона что-то стрельнуло. Белая горошина кувыркнулась по насыпи. Покатилась по снегу. Попала в след, стала намокать.

– Куда?! – шепотом завопил Шурка.

Валька проворно выскочил, схватил, нырнул обратно в укрытие.

– Покажи! – сунулся Шурка.

Это был плотно сжатый комок бумаги.

– Я нашел! Моя! – предупредил Валька.

– Хорошо! Хорошо!

Под стук колес они расправили находку. Какие-то буквы.

Там, где бумажка успела намокнуть, лиловые буквы чуть расплывались.

– Ну? – нетерпеливо спросил Валька.

– Вот это «а». Это «вэ». Это «мэ».

– «Мэ-э-э»! А я думал, ты образованный.

– Да я же только в первом классе! – возмутился Шурка.

Валька толкнул его в плечо. Показал пальцем. Огни уходящего поезда – два красных глаза – глянули на прощание. Валька сунул бумажку в кепку, натянул кепку покрепче.

Они выскочили из-за куста и кинулись к рельсам за добычей. Под ногами чавкал мокрый снег.

– Чтоб тебя!.. – огорченно взмахнул руками Валька.

Шурка поскреб пальцем рельсу. Она была еще горячей после только что прошедшего поезда. Все их сокровища расплющило так, что они вдавились в металл намертво. Превратились в разноцветные пятна на рельсе: медные, оловянные, железные.

– Ты смотри, какой поезд длинный оказался.

– Никогда таких не видел.

– Это кто ж все такие?

– Пассажиры.

– На пассажирский вроде не похоже.

– Может, солдаты. У них секретный приказ. Поэтому они тихонько выглядывают.

Шурка вспомнил большие замки на дверях.

- Может, бандиты?
- В СССР столько бандитов нет, – сказал Валька. – Это тебе не Америка.
- Откуда знаешь?
- В газетах пишут.
- Ты же читать не умеешь!
- Копейку жалко, – перебил его Валька. – Говорил тебе, лучше б уж газировки выпили. Но без особого огорчения он это сказал. Он был не завистливый и не жадный.

Заплетаясь в мокром снегу, прыгая по кочкам и обходя всякий лом, они дворами вышли к Лиговке.

Здесь уже был настоящий город. Прямыню широкой улицы подчеркивали высокие, плотно поставленные дома. От старости они облупились. Стали серыми.

Снег никак не удавался – мелкий дождик сыпался на прохожих. Они спешили во все стороны под возмущенные крики редких автомобилей и звонки трамваев.

Свернули в переулок. Там мокрого грязного снега было по колено, а дома – в пятнах сырости.

Отсюда Вальке было рукой подать до улицы Марата. А Шурке – парой кварталов дальше, мимо рынка. На улицу Правды.

Пора было разбегаться. Шурке влетит, если увидят его с Валькой. Родители на работе. Но попадаться на глаза соседям опасно: наядбедничают.

- Хочешь, я тебе за нее дам гвоздь? – вдруг предложил Шурка.
- Чего? – не понял Валька.

Шурку занимала найденная бумажка. Кто кинул ее? Зачем? Кому?

- А, бумажка-то?
- Может, это карта, – предположил Шурка. – Где зарыто что-то.
- Размечтался! Просто бумажка.

Но по Валькиному лицу Шурка видел, что заронил в него сомнение.

- Ну и выброси тогда. Чего ты не выбрасываешь? Просто бумажку, – поддел его Шурка.
- Они перешли улицу Марата. Но Валька и не заметил.
- Хочешь, дам за нее гильзу?

Гильза была большим богатством. Валька задумался.

Не нужна была Шурке эта бумажка. Он просто любил всюду совать нос. Всё ему было интересно, всё хотелось узнать, попробовать, проверить.

Вальке она тоже была не нужна. Но глядя, как загорелись глаза у Шурки, он тотчас переменил мнение. Если бумажка стоила одну гильзу, то совершенно точно была нужна ему самому!

- Отстань.
- Друг ты мне или нет? – ныл Шурка.
- Я ее нашел.
- Мы оба одновременно нашли!
- А ты в кустах сидел!

Мимо тянулся рынок: приземистое желтоватое облупленное здание в один этаж с галереей. Там под сводами сновали женщины с корзинками. Из корзинок торчали горлышки молочных бутылок.

Стояла телега, мужчина в рукавицах снимал с нее ящики.

- Мы вместе сидели! – оскорбился Шурка.
- Я ее схватил!
- Я бы тоже схватил!
- Чего же ты не схватил? Струсил!

– Я струсил?

Шурка толкнул Вальку. Несильно. Валька только покачнулся. Толкнул в ответ. И еще раз.

Валька побежал. Шурка за ним.

Вот уже и Шуркин дом.

Шурка догнал, хлопнул Вальку по голове. Кепка полетела. Бумажка выпорхнула. Пока Валька хватал руками кепку, Шурка с победным воплем сжал бумажку в кулаке.

– Отдай, гад! Я нашел! – завопил Валька.

Он прыгал, пытаясь достать бумажку. Куда там!

– Не отдам!

– Ах так? – вдруг выпустил он Шурку. – Значит, не друг ты мне!

– И не надо. Обойдусь! – оттолкнул его Шурка.

Валька плюнул в его сторону.

– Не вздумай со мной завтра на Папанина идти!

Ленинград готовился к встрече полярников. Экспедиция прославленного Папанина много дней дрейфовала на тающей льдине. Герои рисковали жизнью. Вся страна следила за их ледовым пленом. Слушала радио, читала газеты. Но подоспели советские ледоколы и самолеты. И вот теперь герои вернулись на родину. Их должны были торжественно провезти из порта через весь город в открытых машинах, с флагами, оркестром и мотоциклистами.

На миг Шурке захотелось бросить эту глупую бумажку на тротуар. Но он крикнул:

– Больно надо с тобой! Я сам пойду!

Валька пригрозил ему издали кулаком.

– Ну смотри! Попадешься мне завтра – отлуплю.

– Очень страшно! – показал язык Шурка.

– Ах, вот так?

Валька схватил валявшийся у стены кусок кирпича, размахнулся и метнул в Шурку.

– Плати мне за стекло теперь!

Папа и тетя Дуся стояли друг против друга, как два боксера.

Тетя Дуся была соседкой с первого этажа.

Шурке не случалось бывать у нее дома. Тетя Дуся была огромная, с большими красными руками. А комнатка ее оказалась маленькой, закопченной, темной. Впрочем, темной – еще и из-за того, что вместо части стекла в окне теперь торчал кусок картона.

– Шурка, кто разбил стекло? – спросил папа.

– Ясно кто! – завизжала тетя Дуся. – Дефективный!

Папа чуть поморщился.

– Погодите. Значит, это не мой сын разбил окно? Так?

– Я не виноват, – буркнул Шурка.

– Еще как виноват! Именно виноват! – тетя Дуся трясла в воздухе кулаком, как будто надеялась, что от ее пассов стекло срастется. – Приманил сюда этого дефективного! Хулигана этого! А теперь стоит руки в боки!

– Валька не фефе... фете...

– Шурка, не паясничай, – сказал папа. – И вынь руки из карманов.

Шурка со вздохом вытащил кулаки.

– Так ты опять с Валькой играл? Отвечай, Шурка.

На лбу у папы появилась морщинка.

Шурка вздохнул.

– Опять! Опять! Сама видела! – завопила тетя Дуся. – Да я с этого дефективного вовек денег не получу! Нищета одна! Мать заводская. Детей семеро по лавкам. По улицам носятся, безобразничают! Стекла бьют!

– Он не в стекло! Он в меня кидал! – вступился Шурка.

Тетя Дуся только руками всплеснула.

– Послушайте, крик ни к чему, – спокойно сказал папа тете Дусе.

Она побагровела от злости. А папа вынул бумажник.

– Сколько мы должны стекольщику?

– Ну вот тебе и мороженое, – сказал папа, когда они поднялись в свою квартиру, вернулись в свои комнаты. – Боюсь, билетов в кино тебе тоже не видать весь месяц. Еще, главное, у кого стекло разбил! Вы что, не могли разбить окно какому-нибудь хорошему человеку?

– Илья, – строго сказала мама папе.

– Скажи спасибо, что она нас живьем не съела, – сказал Шурке папа.

Шурка хотел возразить.

– Шурка, ни слова, – сказала мама. – Довольно.

Она складывала в шкаф выглаженное белье. Маленький Бобка помогал, то есть путался у нее под ногами. Ему было всего три года.

– Однако и дорого же нынче стекло, – сказал папа маме. – Представляешь...

Он вдруг нагнулся.

– Что это?

Шурка похолодел. Схватился за карман. Бумажка!

Папа молча прочел. Губы его сжались в ниточку. Он испуганно глянул на дверь. На маму.

Та подошла. Прочла.

– «Передать... везут на Колыму... Садовая улица, дом пять...» Кто это?

Оба уставились на Шурку.

– А ну отвечай, мучитель, – велела мама, побледнев. – Кто тебе это дал?

– Никто.

– Шурка, не ври! Не ври!

От маминого крика личико Бобки дернулось, сморщилось, он приготовился зареветь. Мама схватила его на руки.

– Смотри, что ты наделал! – закричала она на Шурку.

– Я не вру! Нашел.

– Где нашел? Где? – серьезно допытывался папа.

Шурка молчал.

Ходить на вокзал строго запрещалось. Тем более лазать по путям. Тем более с Валькой.

– Нет, он меня в гроб вгонит, этот Шурка, – прошептала мама, садясь на стул.

– Видишь ли, Шурка. Плохой человек это написал. Преступник. Которого наказала советская страна.

Шурке показалось, что сердце его сжало тисками.

– Кому еще ты ее показал? Тане показал?

Шурка помотал головой.

Таня была старшей сестрой. Она еще не вернулась из школы.

– Таня в школе, – подтвердила мама. Она была очень бледной.

– Вот что, – сказал папа. – Надеюсь, ты не врешь. А бумажку эту я выброшу. Как будто ее не было. Запомнил? Из этих стен – ни слова. Хорошо запомнил?

Шурка кивнул, кусая губы.

– Иначе большая беда может случиться.

Шурка заревел. Глядя на него, заревел у мамы на коленях Бобка.

– Нет, он меня в могилу свести решил! – воскликнула мама.

– Шурка, – сказал папа, стараясь придать своему голосу спокойствие. – Я не сержусь. Ты ведь не знал. А этот... нехороший человек, этот преступник, он ее специально бросил. Чтобы у того, кто найдет, были неприятности. Понял?

Шурка кивнул. Вытер ладонью слезы.

– Поэтому их везли в вагонах с замками?

– В каких вагонах? – спохватилась мама. – Вы опять на путях лазили?

Шурка опять всхлипнул. Плечи его затряслись.

– Шурка, – папа погладил его по голове. – Таким преступникам не место в Ленинграде. Среди честных людей. Поэтому их везли на поезде с замками. Понял? Сейчас не о нем речь. За вокзал тебя никто не ругает сейчас.

– Очень даже ругает, – возразила мама.

– Если кто-то узнает, нам очень трудно будет объяснить, что ты ее случайно нашел, – серьезным тоном сказал папа. – Ты понял? Рот на замок.

Шурка кивнул, всхлипывая. Папа обнял его. Погладил по спине. Подошел к столу, нашел в ящике зажигалку. Клацнул колесиком и бросил горящую бумажку в пепельницу.

– Вот и не о чем беспокоиться, – весело сказал папа.

Они глядели на пламя, быстро облизавшее бумажку со всех сторон.

Дверь щелкнула. Папа вздрогнул. Мама вскочила.

Это оказалась Таня.

– Ты нас напугала, – сказала мама.

Таня кинула ранец.

– А что это у вас горелым воняет?

– Это... – начал Шурка.

– Папа пыж поджег, – быстро объяснила мама.

– А, – сказала Таня без интереса и тотчас словно переключилась на другую радиопрограмму, куда более оживленную. – А у нас что сегодня в школе было! Перемена. Сидим мы с девочками на подоконнике...

– Шурка, – перебил папа, – мы не договорили. Вокзал – это отдельная тема. Целый месяц – никаких игр на улице. Тем более с Валькой. И завтра после школы – никакого Невского, никакого Папанина. Сразу домой!

– Он что – наказан? – оживилась Таня. – За что?

Шурка сделал ей лицо.

– Таня, садись поешь, – сказала мама. – Только руки вымой!

– Шурка, ты понял? – тихо и веско спросил папа.

– Понял, – буркнул Шурка.

А Танька всё тараторила:

– Ой! А что он на сей раз натворил? Опять с дружкой своим шастал? Я так и знала!.. А что у нас было! В общем, сидим мы...

Глава 2

Шурка выскочил из подъезда. Вслед ему хлопнула дверь, с укоризной посмотрело соседкино окно с картонным бельмом. Но Шурка уже не думал про вчерашнее.

День смеялся и пах весной.

Шурка бежал – через Фонтанку – к Невскому проспекту. Там должны были проехать в машинах Папанин и его экспедиция.

Весь город радостно ожидал героев. Дома стояли как на параде: высокие, прямые, в лепных орденах и эполетах. Мартовское солнце наигрывало одним пальцем по подоконникам, козырькам подъездов: кап-кап, кап-кап, кап-кап-кап. Золотистые улыбки весны бежали по стенам, сверкали бликами на многочисленных речушках и каналах, обычно желтовато-хмурых. Дворники за утро сгребли снежную кашу по краям тротуаров, и солнце отыскивало в этих серых горных цепях крошечные алмазы: они сверкали. И даже чайки над просторной Невой казались чисто вымытыми и накрахмаленными, как столовые салфетки с твердыми уголками.

Шурка несся, едва касаясь тротуара. Из-под ног летели брызги. Но прохожие, которых он обгонял, не шипели вслед, а улыбались.

Все знали, какой сегодня день и куда бегут девчонки и мальчишки.

Шурка промчался мимо балетной школы – белые колонны стояли там в ряд, как балерины.

– Тьфу, черт, – едва успела отскочить женщина с авоськой.

Шурка обежал огромный желтый театр: на крыше Аполлон в короткой юбочке правил четырьмя лепными конями. Аполлону с его верхотуры отлично видно всё, с завистью подумал Шурка.

В сквере перед театром черные голые деревья стыли, промолив ноги. Они дрожали то ли от ветра, то ли от нетерпения.

Высокая чугунная императрица на своем постаменте вытягивала шею, словно тоже старалась разглядеть, не показались ли знаменитые полярники.

По обеим сторонам проспекта шумела толпа зевак. Иногда кто-то быстро перебежал улицу, и тогда постовые в касках выпускали переливчатый свист. Он никого не пугал, а только усиливал всеобщее веселое нетерпение.

Шурка весело врезался в толпу, проталкиваясь локтями.

Люди стояли плотно, как в трамвае по дороге на работу. Только в трамвае все сонные, сердитые, а тут сама теснота радовала: тепло передавалось от человека к человеку. Казалось, именно от счастья всех этих людей сегодня тает снег. Даже мокрые черные вороны кричали не свое сырое «кар-кар», а «ура-ура».

«Едут! Едут!» – пронеслось по толпе. Волна радости бежала вдоль проспекта. Неслись звуки марша. Что-то зарокотало.

Шурка смеялся вместе со всеми. Жалко, Валька не с ним: вдвоем было бы еще веселей. Но что поделать. Помирятся как-нибудь.

– Смотрите!

Шурка тоже задрал голову вверх. Три самолета с алыми звездами на крыльях низко пролетели вдоль Невского, показывая серое брюхо. За ними хвостом сыпались и роились белые бумажки. Люди подпрыгивали и хватали их на лету. Это было приветствие героям. Шурка тоже подпрыгивал – но только воздух хватал.

Нет, успел! Схватил прямо у носа какой-то дамочки.

Шурка запихнул листовку за пазуху. Хорошо бы еще одну – Вальке. И сестре Таньке. И еще одну – Бобке. И еще – маме и папе.

– Ура! – кричал он, себя не помня. – Ура!

Ошалев от радости и азарта, он вцепился в белый листок, потянул, не соображая, что в другую сторону тоже тянет кто-то.

– Пусти, а то садану, – цыкнул на Шурку высокий парень в кепке и двинул локтем.

Шурка испугаться не успел, как между глаз у него вспыхнул белый огонь, потом боль. Из носа полилось что-то теплое.

Вдруг толпа вздрогнула. Волны пошли по ней. Вся улица закричала «ура!». В самом начале проспекта, отмеченном золотым шпилем, показались открытые автомобили. Они гордо несли героев-полярников.

Зажатый в толпе, Шурка видел только спины и ноги. Слезы лились сами. Кровь капала на подбородок, на грудь.

– Мальчик, ты что? Мальчик! – услышал Шурка. Мужчина в плаще и шляпе раздвинул рукой тесную толпу. – Товарищи, осторожнее, вы бараны, что ли? Ребенка чуть не затоптали.

Люди немного расступились. Но не до того им было. Они кричали «ура!», вставая от нетерпения на цыпочки и размахивая шапками, шарфами, газетами.

Человек в шляпе, энергично работая локтями и прикрывая Шурку, выволок его из толпы.

– Ты смотри, – пробормотал он.

Вынул платок.

Пальто у Шурки спереди было забрызгано кровью.

– А ну задери голову.

Рукой в перчатке незнакомец снял с чугунной тумбы горсть снега, завернул в платок, положил Шурке на нос. С задранной головой Шурка увидел, как над толпой проплыл транспарант с усаатым портретом. Где-то там, под транспарантом, сидели прославленный полярник Папанин и его команда. Вслед им несли восторженный рев.

Желтыми буквами на кумаче сияло:

Вожь и организатор всех наших побед родной и любимый товарищ
Сталин!

– Кровь вроде остановилась, – сказал человек в шляпе, проводив транспарант взглядом. – Как это тебя угораздило, герой?

Шурке стало досадно. Всё пропустил!

– Я платок верну, как было, – пробурчал он. – Мама постирает, и я отдам. Вы только дайте адрес, по которому выслать.

– Болван, – добродушно сказал человек в шляпе. – Адрес ему подавай.

Он метко пнул окровавленный комочек платка. Тот исчез в чугунной урне.

Шурка посмотрел в лицо незнакомцу: насмешки на нем не было.

Мужчина в шляпе был похож на Таниного учителя музыки. Только не такой старый.

– Мне вот что-то зверски захотелось мороженого. Раз уж проезд полярников мы с тобой пропустили, давай хотя бы съедим в их честь эскимо, – беспечно сказал человек в шляпе. – Мороженое хочешь?

– Нет, – сказал Шурка. Вернее, он сказал: – Шутите?

– Я? Я никогда не шучу.

– Спрашиваете!

Они отошли к перекрестку проспекта с Садовой улицей. На углу, как большой желто-белый уют, стоял двухэтажный магазин. Он остался еще с тех времен, когда страной правил царь, Ленинград назывался Петербургом, а торговали здесь купцы. Теперь никаких купцов не было. А был большой универсальный магазин для всех. По четырем сторонам его тяну-

лась галерея с белыми полуарками. Там, под сводами, стоял мороженщик у голубого ящика на больших велосипедных колесах.

Шурка и человек в шляпе подошли.

На продавце мороженого, несмотря на март, была шапка-ушанка, а белый халат был натянут поверх ватной куртки. Как будто для него, как и его покрытого инеем товара, всегда была зима.

– Два эскимо, – сказал Шляпа.

– В честь товарища Папанина! – крикнул Шурка.

– В честь товарища Папанина угощаю бесплатно, – улыбнулся продавец, однако деньги у Шляпы взял. Поднял крышку, скрылся в облаке ледяного пара, которое вырвалось из ящика. Вынырнул. В руку Шурке ткнулась восхитительная толстая холодная палочка в серебристой бумажке.

– Пойдем сядем, жевать на ходу вредно для здоровья, – сказал Шляпа, проворно срывая обертку.

Они вошли в сквер у театра и сели на скамейку. Чугунная императрица гордо поднимала вверх скипетр и подбородок, совершенно не замечая, что на носу у нее висит огромная капля, а на голове сидит голубь. Вид у нее от этого был глупейший. Шурка захохотал.

Шляпа посмотрел вопросительно. Но Шурка только рукой махнул: долго объяснять! Да и голубь улетел.

– Ну что, нос не болит? – спросил Шляпа.

Нос болел, когда приходилось широко раскрывать рот, кусая мороженое. Но Шурка радостно мотнул головой. Чудак! Как может что-то болеть, когда ешь мороженое? Не просто мороженое – эскимо!

– Ерунда! – сказал Шурка. – И утешать меня вовсе не надо было, подумаешь! Я и сам бы ему навалил. Просто связываться было некогда...

Он быстро кусал эскимо, и от холода немело во рту.

Шляпа рассмеялся. И тут же снова стал грустным.

– Конечно, навалил бы! Просто мама и папа меня учили всегда быть за тех, кого топчет толпа, – объяснил он.

Он ел так, будто это не мороженое, а капустный суп или манная каша с комочками. Через «не хочу» – называла это мама.

Шурка даже обиделся за эскимо. Расправил обертку и сложил в карман.

– А вы знаете, что эскимо изобрели в честь советских полярников? – сказал он. – У нас во дворе его еще никто не ел!

Шляпа смотрел в сторону проспекта. Полярники уже проехали. Уже одел в чехлы свои трубы оркестр. Уже постовые милиционеры заново запустили уличное движение: зарычали автомобили, затренькали, побежали трамваи. Видимо, героев провезли слишком быстро. Толпа не хотела расходиться.

– Ты посмотри на них, – вдруг сказал Шляпа. – Далась им эта Арктика, Северный полюс... – И продолжил неожиданно: – Ни одного румяного лица. Чем гордиться? Что построили какой-то небывалый в мире ледокол? А у самих пальто в заплатках, и из дома ушли без завтрака.

Шляпа покачал головой. Мороженое таяло у него в руке.

Шурка, который уже расправился со своим эскимо, подумал: ну и тип!

– Нет, ты присмотришься, – настаивал Шляпа.

Из вежливости Шурка посмотрел. Внезапно он увидел, что лица у людей радостные, но впрямь худые, усталые, бледные. А одежда старая, унылая.

Шляпа оживился.

– Они этого полярника своего спросили, когда с льдины снимали? Может, он и не хотел с нее сниматься. Может, он на нее специально забрался, подальше от всего этого. Может, он мечтал однажды пристать к какой-нибудь маленькой симпатичной стране, где зимой пьют горячий шоколад, едят булочки с изюмом, а у барышень на муфтах иней.

Шурка посмотрел на него испуганно.

Шляпа рассмеялся.

– Шутка. Сказка про Снежную королеву. Хочешь мое эскимо? На. Бери же. – Он встал. – Бери! А то мне пора. Ну привет. – Прикоснулся пальцами к краю шляпы, чуть кивнул Шурке и пошел прочь, в сторону театра.

Шурка подумал немного. Но мороженое не желало ждать. И Шурка впился зубами в облитую шоколадом трубочку, так что зубы заболели от холода.

– Так-та-а-а-ак! – издевательски пропел над его ухом голосок. – Гуляем на Невском. Картина маслом. Всё папе расскажу.

И прищурилась в своей манере.

Таня была старше Шурки всего на два года. Ей было девять лет. Но вела она себя порой так, будто ей девятнадцать. А то и все девяносто. Иногда была обычной сестрой, с которой можно было болтать и играть. А иногда словно спохватывалась – и становилась Старшей сестрой: мерзкой и какой-то ненастоящей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.